

ЯКИМОВА Е.В.* ПРЕМИЯ КУЛИ-МИДА КАК ИНДИКАТОР РАЗВИТИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В США (2019–2022) (Обзор)

Аннотация. В обзоре представлены статьи социальных психологов, удостоившихся в 2019–2022 гг. престижной награды Американской социологической ассоциации, известной как премия Кули-Мида. Эта награда считается высшим признанием пожизненных профессиональных заслуг социальных исследователей на поприще социологически ориентированной социальной психологии и может рассматриваться как маркер состояния и перспектив этой дисциплины в XXI столетии.

Ключевые слова: Американская социологическая ассоциация (ASA); премия Кули-Мида; социологически ориентированная социальная психология; социальная структура и личность; интегративная психология; критический реализм; редукционизм; социальный конструкционизм; идентичность; ментальное здоровье; социализация; неравенство; лиминальность; детство; культура сверстников.

Для цитирования: Якимова Е.В. Премия Кули-Мида как индикатор развития теоретической и прикладной социальной психологии в США (2019–2022) (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 1. – С. 14–40. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.02

Статья поступила: 13.12.2023.

Принята к публикации: 11.01.2024.

---

* Якимова Екатерина Витальевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; e.yakimova2011@yandex.ru

YAKIMOVA E.V.** The Cooley-Mead Award as an indicator of the development of theoretical and applied social psychology in the United States (Literature review)

Abstract. The review presents articles by social psychologists who have been honoured in 2019–2022 with the prestigious American Sociological Association award known as the Cooley-Mead Award. This award is considered the highest recognition of lifetime professional achievement by social researchers in the field of sociological social psychology and can be seen as a marker of the state and prospects of the discipline in the 21st century.

Keywords: American Sociological Association (ASA); The Cooley Mead Award; sociological social psychology; social structure and personality; integrative psychology; critical realism; reductionism; social constructionism; identity; mental health; socialization; inequality; liminality; childhood; peer culture.

For citation: Yakimova E.V. The Cooley-Mead Award as an indicator of the development of theoretical and applied social psychology in the United States (Literature review). *Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 1. – P.14–40. DOI: 10.31249/rsoc/2024.01.02

Received: 13.12.2023.

Accepted: 11.01.2024.

В обзоре представлены публикации лауреатов престижной премии Кули-Мида, которая ежегодно вручается Секцией социальной психологии Американской социологической ассоциации (ASA) за выдающиеся научные достижения и пожизненный вклад в развитие этой субдисциплины. Именно социологическое направление социальной психологии занимает лидирующее положение в американской социальной науке на протяжении многих десятилетий. Премия Кули-Мида была учреждена в 1978 г., ее первым лауреатом стал известный социальный психолог М. Шериф. В разные

** Yakimova Ekaterina Vital'evna – Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; e.yakimova2011@yandex.ru

годы этой наградой были отмечены научные достижения таких корифеев социологии и социальной психологии, как И. Гофман (1979), А. Инкелес (1982), Г. Блумер (1984), Ш. Страйкер (1986), Р. Тернер (1987), Г. Гарфинкель (1995), Р. Мертон (1997), Д. Хейзе (1998). Премия вручается на ежегодной сессии ASA; новый лауреат выступает с ответной речью, посвященной этапам его становления как ученого и проблемам социальной психологии, которые составляли фокус его интересов на протяжении научной карьеры. Эти выступления регулярно публикуются на страницах ведущего американского социально-психологического журнала, издаваемого ASA, – *Social psychology quarterly* (далее – SPQ), – как правило, в первом либо четвертом номере. Публикации обращения предшествует краткое представление на страницах SPQ нового обладателя премии Кули-Мида, написанное его коллегами либо учениками и последователями, которые достаточно часто сами отмечены этой же либо другой наградой ASA.

Цель настоящего обзора состоит в реконструкции современного состояния, перспектив и проблематики социологически ориентированной социальной психологии в том варианте, который считает достойным внимания Американская социологическая ассоциация. Официальные приоритеты сказываются на выборе фигуры ежегодного лауреата – в соответствии с его совокупными достижениями как ученого, педагога, наставника и организатора науки. Предпочтения ASA обусловлены также актуальностью тематики и теоретических подходов к осмыслению избранного предмета как соответствующих текущим социальным реалиям и запросам социального знания в целом. Таким образом, знакомство с публикациями исследователей, отмеченных этой наградой в 2019–2022 гг., позволяет судить о том, что происходит сегодня в американской социально-психологической науке.

В 2019 г. лауреатом премии Кули-Мида стал почетный профессор факультета социологии Университета Индианы (г. Блумингтон, США) Уильям Корсаро, который в 2013 г. уже был отмечен наградой ASA за выдающиеся профессиональные заслуги в сфере социологии детства. Представляя на страницах SPQ своего наставника, ученица и последовательница Корсаро К.Б. Ройзер (факультет социологии, антропологии и социальной работы, Центральный Мичиганский университет, г. Маунти-Плезант, США)

подчеркивает, что на протяжении 40 лет У. Корсаро являлся неутомимым исследователем интерактивных практик детства в разных социальных и этнографических контекстах; более того, его по праву можно считать первопроходцем и популяризатором (практиком и теоретиком) в такой инновационной сфере социального анализа, как социальная психология детства [Roiser, 2020]. Многолетняя этнографическая и аналитическая работа на избранном поприще, которая началась в 1970-е годы как социолингвистический анализ речевой игровой коммуникации малышей, дошкольников и младших школьников, позволила Корсаро занять уникальную нишу в социологически ориентированной социальной психологии и внести весомый вклад в развитие этой дисциплинарной области знания, замечает Ройзер. До середины 1980-х годов среди приверженцев символического интеракционизма практически не было подвижников, готовых погрузиться в мир детства – с тем, чтобы следуя давнему совету Г. Блумера, собственными глазами, изнутри увидеть социальную реальность, которую создают дети трёх-четырёх лет [Roiser, 2020, p. 3]. Между тем, навык или, скорее, талант стать «своим» в рамках фантазийно-ролевого взаимодействия детей позволил Корсаро реализовать около 500 успешных этнографических проектов. В этих проектах были использованы методы аудио- и видеозаписи интеракций и коммуникации детей в меняющихся социальных и культурных условиях: детские сады и группы для детей дошкольного возраста, младшие классы муниципальных и частных школ, центры для детей из социально неблагополучных семей по программе *Head Start* в Беркли (шт. Калифорния, США), г. Блумингтоне (шт. Индиана, США), в городах Италии и ряда скандинавских стран.

Предметом полевых исследований Корсаро выступает феномен, который он назвал культурой сверстников, или культурой равных (*peer culture*). Ройзер делится опытом своего участия в полевой работе наставника, приводя в качестве примера игровые сценарии, организованные в соответствии с логикой социально-психологического конфликта сближения / избегания (*approach / avoidance*), описанного К. Левином. В эмпирических исследованиях Корсаро анализу подлежали игровые ситуации, где дети, выбрав одного из участников в качестве источника опасности (злодея, монстра, ведьмы), сначала приближались к нему, привлекая к

себе внимание громкими криками, а затем благополучно избегали опасности и возвращались к рутинным занятиям. Эти занятия продолжались до тех пор, пока дети вновь не «вызывали огонь на себя» притворными криками ужаса, не сомневаясь в благополучном исходе игры. В этих игровых эпизодах аналитику отводилась роль «одного из нас», т.е. не авторитетного наставника, а равного детям члена их игровой культуры, поясняет Ройзер. Сам автор трактовал свою исследовательскую программу как попытку выяснить, каким образом работа с самыми маленькими членами общества может быть полезна для развития социальной психологии взрослых.

Многолетняя этнографическая практика У. Корсаро и его теоретические обобщения, пишет в заключении Ройзер, помогают увидеть и понять процессы, посредством которых культура сверстников обеспечивает маленьких участников воображаемым безопасным местом пребывания, где они все вместе осмысливают и интерпретируют для себя проблемные и внушающие страх особенности «большого» мира [Roiser, 2020, p. 2].

Сам Корсаро считает своей основной заслугой тот факт, что ему удалось привлечь внимание социальных аналитиков к такой непопулярной в прошлом столетии области знания, как социология детства [Corsaro, 2020]. Свой сорокалетний опыт этнографических полевых исследований, методологических новаций и теоретических размышлений о природе, генезисе и социально значимых последствиях взаимодействия детей в ходе ролевой и фантазийной игровой коммуникации со сверстниками и взрослыми автор обобщил в монографии, которая увидела свет в 2005 г. и с тех пор выдержала пять изданий [Corsaro, 2005]. Преимущества своей эмпирической работы, основанной на высокой степени достоверности данных и убедительных теоретических выводах, автор видит в ее лонгитюдном и компаративистском характере. В исследованиях, проводившихся в ряде городов США, Норвегии и Италии, нашли отражение классовое, этническое, географическое и статусное разнообразие коммуникативных и интерактивных измерений детства и их кросс-культурный анализ. Именно эта скрупулезная многолетняя работа стала основанием для разработки базовых концептуальных положений социологии детства. Эти положения, по мнению многих современных социологов, существенно изменили традиционные представления о социализации как социально-пси-

хологической процедуре «поэтапного вхождения» ребенка в мир взрослых и поставили под сомнение ее классическую модель, предложенную Дж.Г. Мидом, равно как и целесообразность дальнейшего использования самого этого термина в социальных науках.

Корсаро акцентирует следующие аспекты своей профессиональной деятельности в качестве социального психолога, которые, как он считает, имели серьезные последствия для развития данной дисциплины в социологическом русле: а) разработка, применение и популяризация аудиовизуальных методов фиксации и непосредственного («живого») изучения реальных интеракций детей в реальных ситуациях игровой, речевой и фантазийной коммуникации; б) пересмотр представления о социализации как о линейной смене этапов развития ребенка, которому отводится роль пассивного «ретранслятора» интериоризованных норм и правил мира взрослых [Corsaro, 2020, p. 8–10]. Возвращаясь к истокам своей профессиональной карьеры, исследователь подчеркивает, что в то время его интересовал процесс усвоения языка в рамках коммуникации детей со взрослыми и сверстниками. Уже тогда, в 1970-е годы, в период сбора первичной информации методами аудио- и видеофиксации игровых интеракций детей, автор имел возможность убедиться в «агентности» малышей трех-пяти лет. Дети не просто воспроизводили в своей игре правила, установленные взрослыми, но интерпретировали события и явления в соответствии с собственной, оригинальной картиной мира, обсуждая и создавая ее в условиях игрового взаимодействия. Как свидетельствовал анализ полученных данных, усвоение языка и «взрослых» норм речевой коммуникации неизменно включало в себя элемент творчества, благодаря чему дети – участники процесса – создавали собственную версию событий и делились ею друг с другом. Эти наблюдения противоречили классическому положению психологии развития, согласно которому дети в раннем возрасте не способны к коммуникации со сверстниками [ibid., p. 7–8].

В конечном счете, резюмирует Корсаро, в ходе полевых исследований стало ясно, что «именно детям, начиная с самого нежного возраста, принадлежит главная роль в их собственной социализации» [Corsaro, 2020, p. 8]. С полным основанием относя себя к пионерам аудиовизуальной, кросс-культурной сравнительной этнографии детства в рамках парадигмы символического интерак-

ционизма, Корсаро подчеркивает, что его работа «с очевидностью продемонстрировала безусловную агентность детей» в процессе интериоризации ими «большого мира», а также широту и сложность диапазона их взаимоотношений со сверстниками и взрослыми. Эти наблюдения послужили основанием для кардинальной ревизии модели социализации как линейного стадийного процесса развития ребенка путем нерелексивного усвоения ограничений и правил взрослых [Corsaro, 2020, p. 9].

Корсаро принадлежит заслуга концептуального оформления такого понятия (востребованного и сегодня в социальных науках), как культура сверстников, или культура равных (*peer culture*). Такая культурная среда предполагает общение и взаимодействие «своих», где не действуют авторитет и контроль взрослых. Для культуры сверстников характерны следующие особенности. Во-первых, ее потенциальные участники (дети) демонстрируют очевидное желание вступить друг с другом в осмысленную интеракцию; они стремятся участвовать в «совместном потреблении / пользовании» (*communal sharing*), в результате чего и возникает культура равных. Во-вторых, в своем намерении «делать что-то вместе с другими» дети реализуют совместный протест против взрослых ограничений и правил (например, запрета приносить в класс игрушки), достигая желаемого самыми изобретательными способами. «Идеи, материальные объекты и ограничения мира взрослых фреймируют создание и реализацию детьми культуры сверстников», – заключает Корсаро [Corsaro, 2020, p. 11]. Именно так конституируется одна из ключевых особенностей культуры сверстников – потребность ее «маленьких субъектов» бросить вызов авторитету и контролю взрослых, которая реализуется путем создания в игровых практиках собственной коллективной идентичности. Таким образом, фокусом детской культуры равных служат темы внешних ограничений и «коллективного удовольствия» от их нарушения в границах совместных игровых интеракций.

Автор определяет культуру сверстников как «устойчивый набор действий или рутинных поведенческих актов, а также артефактов, ценностей и паттернов, продуцируемых и разделяемых детьми в контексте их интеракций» [Corsaro, 2020, p. 11]. Опираясь на понятие «культура равных» и идею агентности ребенка, он выдвигает альтернативную концепцию социализации как *интерпре-*

тирующего воспроизведения (interpretive reproduction). Термин «воспроизведение» в данном случае отражает принцип «активного творческого участия детей в культурном производстве и изменении общественной жизни». Определение «интерпретирующее» отражает креативные и инновационные аспекты участия детей в жизни общества: маленькие члены большого социального целого создают свою культуру и действуют в ней, творчески применяя информацию из мира взрослых для того, чтобы удовлетворять свойственные им запросы и интересы [Corsaro, 2020, p. 11–12].

Интерпретирующее воспроизведение, замечает Корсаро, обладает рядом ключевых особенностей. Так, в рамках этого подхода дети рассматриваются в качестве творческих социальных агентов, которые создают собственную уникальную среду обитания и взаимодействий и, в то же время, вносят вклад в трансформацию реалий взрослого мира. Кроме того, детство, т.е. сконструированный обществом временной период, в котором дети проживают отрезок своей жизни, рассматривается как структурная форма или социальный сегмент (по аналогии с социальным классом или возрастной когортой). Для детей пребывание в этом социальном сегменте временно, тогда как для общества в целом данная структурная форма является социально сконструированной константой, меняющей свое содержание и толкование в соответствии с социально-историческим контекстом [Corsaro, 2020, p. 13]. Сравнительный анализ культуры сверстников в разных социальных и этнических условиях позволяет сделать вывод о том, что сценарии и эмоциональная окраска детских игровых, ролевых и фантазийных интеракций определяются прежде всего такими переменными, как статус семьи, ее уровень дохода и образования, что в данном случае более существенно, чем этнокультурные характеристики.

В заключение У. Корсаро приводит слова Г. Элдера, лауреата премии Кули-Мида, автора теории жизненного цикла, который еще в 1993 г. выразил сомнение в релевантности классической теории социализации современному состоянию социальной психологии. Как справедливо заметил Элдер, уже в конце 1990-х годов термин «социализация» потерялся в недрах более общих представлений о социальной стратификации, социальной мобильности и т.п. [Elder, 1994]. Соглашаясь с этой точкой зрения, автор концепции интерпретирующего воспроизведения предлагает сделать

следующий шаг, занявшись радикальным переосмыслением традиционных представлений об интериоризации социального мира подрастающими поколениями, выдвинув на первый план их функцию активных, действенных творцов новых версий социальной реальности [Corsaro, 2020, p. 22].

В следующем, 2020 г., высшей награды ASA за вклад в развитие социологически ориентированной социальной психологии была удостоена почетный профессор Калифорнийского университета в Риверсайде, член Американской ассоциации содействия развитию науки Джен Стетс. Для руководителя лаборатории социально-психологических исследований в Риверсайде это уже вторая награда ASA: в 2008 г. ее профессиональные достижения были отмечены премией секции изучения эмоций. На страницах SPQ научную биографию Стетс представляет Сесилия Риджуэй – лауреат премии Кули-Мида 2005 г., экс-президент ASA (2012–2013), автор теории статусного конструирования [Ridgeway, 2021]¹. Характеризуя исследовательскую деятельность своей коллеги из Калифорнийского университета, Риджуэй подчеркивает ее «пожизненную приверженность» школе символического интеракционизма и принципу обязательного эмпирического тестирования новых гипотез и категорий. Тандем теоретической и прикладной социальной психологии – отличительная черта всех без исключения исследовательских проектов Стетс, констатирует комментатор [Ridgeway, 2021, p. 284].

В соответствии с теоретическими установками символического интеракционизма, приоритетной темой исследований Стетс выступают взаимоотношения и обоюдное влияние социальной структуры общества и поведения индивида. Главный объект ее научных интересов – личностная идентичность и ассоциированные с ней социально-психологические механизмы (формирование и верификация «подлинного Я», его стабильность и трансформация в рамках интеракций разного социального уровня). Стетс трактует идентичность как ключевой фактор, обеспечивающий связь и

---

¹ Подробнее о концепции С. Риджуэй см. сводный реферат автора настоящего обзора: Якимова Е.В. Социальная структура, культурные схемы и межличностное поведение: теория статусного конструирования С. Риджуэй (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2007. – № 1. – С. 101–106.

обоюдное влияние индивидуальных мотивов и действий, с одной стороны, и элементов социальной структуры макро-, мезо- и микроуровней, – с другой. По мнению Риджуэй, исследования Стетс существенно расширили концептуальный и прикладной диапазон классической теории идентичности, сообщив ей современное звучание и способствуя эмпирической конкретизации ключевых положений символического интеракционизма, что позволяет использовать эту концептуальную и методологическую платформу в более широком исследовательском контексте социального знания в целом. С этой точки зрения работы Стетс способствуют развитию и обновлению теории идентичности как изнутри (в рамках социологической парадигмы), так и вовне (применительно к актуальным проблемам и социальным реалиям XXI столетия) [Ridgeway, 2021, p. 283].

В первые годы своей научной практики Стетс сосредоточилась на изучении гендерной идентичности семейных пар, что впоследствии повлекло за собой интерес к таким темам, как самоверификация личностной идентичности, ее моральные составляющие и социальное измерение эмоций¹. Лейтмотивом многолетней работы лауреата премии Кули-Мида 2020 г., пишет в заключение Риджуэй, являются осмысление и эмпирическая верификация факторов взаимодействия индивида и общества, анализ сложных, многоуровневых процессов, посредством которых социоструктурные компоненты (включая отношения власти и статусную иерархию) определяют «работу идентичности в пределах Я». Взаимодействия личностной идентичности, социальных контекстов и действий – таков фокус социальной психологии Стетс, успешно реализующей принципы символического интеракционизма в социальных реалиях нынешнего столетия, констатирует С. Риджуэй [Ridgeway, 2021, p. 284].

Джен Стетс конкретизирует наблюдения своего комментатора, касающиеся модернизации теории идентичности в рамках

---

¹О социологической концепции эмоций и моральной идентичности Дж. Стетс см.: *Симонова О.А.* [Реферат]. Стетс Дж., Картер М. Теория Я (Self) для социологии морали // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2013. – № 1. – С. 82–93. – Реф. ст.: Stets J., Carter M. A theory of the Self for the sociology of morality. – American sociological review. – 2012. – Vol. 7, N 1. – P. 120–140.

социологически ориентированной социальной психологии. Автор иллюстрирует свои концептуальные и методологические установки с помощью анализа макро-, мезо- и микропроцессов, которые обусловили трансформацию религиозной идентичности в США на протяжении первых десятилетий XXI в. [Stets, 2021].

Анализ динамики религиозных мировоззренческих компонентов в американском обществе Стетс предваряет кратким изложением базовых принципов социологической концепции идентичности, приводя аргументы в пользу своей главной теоретической установки – изучения идентичности и ее трансформаций в рамках парадигмы «социальная структура и личность» (англ. *social structure and personality*, сокращенно SSP). Принципы SSP, которые сегодня признаны классикой социологически ориентированной социальной психологии, предполагают мультиуровневое исследование социальных процессов, а также интеграцию исследовательских усилий и подходов (макро-) структурной социологии, культурной социологии и психологии (как традиционной, так и социологически ориентированной) [Inkeles, 1969 ; House, 1981]. Как показывают многолетние исследования автора, анализ идентичности и ее динамики будет результативным только в том случае, если эта динамика рассматривается как интегрированная (встроенная, включенная) в структурный и культурный контексты общества, во-первых, и как принадлежащая сразу нескольким уровням социальной реальности, во-вторых. Динамика идентичности, поясняет свою позицию Стетс, это не только эндогенный процесс, обусловленный внутренними психологическими и личностными причинами, но и результат экзогенного действия социальных факторов макро-, мезо- и микроуровней. В связи с этим перспективным представляется как социально-психологический анализ изменений индивидуальной (личностной) идентичности вследствие комплексного влияния разноуровневых социальных факторов, так и обратный путь – изучение макроструктурных трансформаций с точки зрения подготовивших их кумулятивных изменений личностной идентичности, имеющих в том числе социальные предпосылки. Автор статьи уже в начале своей академической карьеры избрала первый аналитический сценарий, сделав фокусом своей теоретической и прикладной работы осмысление феномена идентичности и ассоциированных с ней процессов в контексте экзоген-

ного социальных переменных разного уровня и масштабов. В подтверждение состоятельности этого подхода в рамках социологически ориентированной социальной психологии Стетс приводит известное высказывание Дж. Тернера, призывавшего своих коллег «добавить больше социологии в социальную психологию», т.е. усилить социальный компонент психологического анализа личности в обществе [цит. по: Stets, 2021, p. 287]. Этот призыв, считает автор статьи, не потерял актуальности и в наши дни, поскольку концепция SSP, при всем ее авторитете, так и остается на периферии социального знания: социологов не интересуют личностные психологические параметры, встроенные в социальные процессы и структурные трансформации; социальные психологи игнорируют фактор воздействия на идентичность масштабных изменений в обществе [Stets, 2021, p. 287].

В статье представлен лаконичный, но весьма емкий обзор основных категорий SSP и каждого из трех уровней осмысления социальной реальности в рамках данной парадигмы. К числу базовых понятий SSP принадлежат: а) *социальная структура* – совокупность интерактивных и поведенческих паттернов, определяющих и направляющих социальные взаимодействия; эти паттерны могут иметь физическую локализацию (соседское сообщество) либо носить абстрактный характер (гендер, класс); б) *культура* – набор когнитивных и оценочных социальных верований, представлений и норм, которые распространяются в обществе посредством его структурных элементов; структура и культура находятся в отношениях взаимного конституирования, так как структура интегрирована в культуру, которая привносит смыслы и значения в социальные интеракции и действия; в) *личность* (в социальной психологии XXI столетия исследователи отдают предпочтение терминам *индивид* или *индивидуальность*) – набор стабильных, устойчивых персонализированных атрибутов, который выступает фокусом внутренних, индивидуальных процессов, ассоциированных с идентичностью (когнитивных, эмоциональных, рефлексивных, поведенческих, оценочных) [Stets, 2021, p. 288–289].

Макроуровень социальной реальности, продолжает Стетс, составляют социальные системы и общества; его структурными элементами служат *институты* и системы *стратификации*; последние образуют структурный и культурный «остов общества».

Системы стратификации представляют собой способ (и результат) ранжирования социальных классов в соответствии с такими параметрами, как власть, престиж и доступ к ресурсам. *Культура макроуровня* – это совокупность моральных норм и идеологических установок, которые возникают в недрах институтов и проявляют себя в дискурсе, поведении и ресурсах.

Мезоуровень опосредует связи между макрохарактеристиками общества (структурными и культурными) и микроуровнем социальной реальности. Его составляющими выступают корпоративные единицы (организации) и категориальные единицы; последние не имеют материальной локализации и служат основанием для классификации людей в соответствии с такими параметрами, как раса, этнос, гендер, уровень образования и т.п. *Культура мезоуровня* формируется посредством норм и моральных предписаний со стороны институциональных идеологий макроуровня (для организаций) и идеологических установок стратификационных систем (в отношении категориальных единиц).

Микроуровень социальной реальности включает в себя: а) интеракции, или «случайные столкновения» (encounters) индивидов; б) факторы, влияющие на интеракции (экономические, демографические, ролевые, статусные, мотивационные, эмоциональные); в) интегрированность (встроенность) интеракций в мезо- и макроструктурные и культурные реалии. В конечном счете, резюмирует автор, фокусом социологического анализа в рамках SSP является интегрированность процессов и явлений более низких уровней социальной жизни в реалии макроструктуры и культуры [Stets, 2021, p. 290–291].

Именно под этим углом зрения в статье рассматривается процесс трансформации идентичности вообще и религиозной идентичности в США, в частности, в начале и нынешнего столетия. Трансформация идентичности, замечает Стетс, это едва ли не ключевой аспект социально-психологического осмысления данного феномена, который, к сожалению, еще остается на периферии снимания и интереса социологов. Идентичность, по определению, принадлежит к разряду личностных психосоциальных констант и, вместе с тем, ассоциированные с ней значения и смыслы претерпевают неизбежные изменения на протяжении жизненного цикла под воздействием эпизодов личной биографии и макросоциальных

катаклизмов. Трансформация значений, которые индивид расценивает как аутентичные его внутреннему Я, и которые приписывают ему другие, как правило происходит исподволь, медленно и незаметно, и только в драматических обстоятельствах (личного либо общественного характера) эти изменения радикальны и внезапны. Таким образом, на протяжении жизни, в калейдоскопе сменяющихся друг друга социальных обстоятельств и контекстов осуществляется постепенная замена прежних значений идентичности на новые, что приводит к изменению внутреннего Я.

Особый интерес в этом отношении представляют так называемые пороговые (лиминальные) состояния, когда индивид не может или не хочет признать или реализовать изменения своей идентичности. Примером этого могут служить колебания человека, разочаровавшегося в вере в трансцендентное, но не готового примкнуть к рядам убежденных атеистов. Лиминальная идентичность может иметь временный характер и разрешиться принятием новых значений и смыслов религиозной идентичности как базовых. Однако такое пороговое состояние может оказаться длительным, устойчивым и даже постоянным, превратившись в базовую характеристику личного Я, для которого «пребывание между» становится ключевым атрибутом его идентичности. Идентичность такого рода характерна, например, для социального движения «лиминальных никаких» – молодых европейцев рубежа XX–XXI вв., для которых вопрос о религиозной идентичности не решаем в принципе. Неопределенность религиозной / трансцендентной самоидентификации может принимать разные формы: индивид готов полностью порвать с институализированной религией, но сохраняет веру в трансцендентное, либо, наоборот, следуя нормам семейной моральной социализации, регулярно посещает церковь, оставаясь равнодушным к существу религиозной веры.

Как показывает статистика, в США на протяжении последних 50-ти лет медленно, но неуклонно растет число людей, которые не считают себя верующими (в 1971–1991 гг. они составляли 7% взрослого населения страны, в 2000 г. – 14%, в 2014 г. – 23%) [Stets, 2021, p. 295]. В составе религиозной идентичности автор выделяет: а) социальную составляющую, соответствующую макрокультурному и макрокультурному уровням реальности (значения, которые люди приписывают себе в связи с принадлежностью

к той или иной религиозной категории); б) ролевой аспект, соответствующий мезоуровню (функции индивида в рамках религиозных институтов); в) личностные значения, соотносящиеся с микроуровнем (индивидуальные представления и убеждения, касающиеся трансцендентного). В статье прослеживается влияние двух первых уровней социальной жизни на изменение личных значений религии и веры для современного поколения американцев (в возрасте 18–33 лет). В перечне детерминант мировоззренческой трансформации присутствуют такие процессы (и связанные с ними макро-культурные переменные), как индустриализация, урбанизация, демократизация, секуляризация, ценностные сдвиги (в том числе – на уровне семейной морали), рационализм, неолиберализм, рост личной автономии и значимости индивидуального Я. И хотя в социальном знании XXI в. по-прежнему актуален анализ воздействия макроструктурных факторов на смену приоритетных значений личной идентичности, Стетс подчеркивает перспективность «движения в обратном направлении» – исследования «кумулятивного эффекта» изменений личной идентичности в качестве «мощного триггера для новых социальных движений и кардинальных общественных перемен» [Stets, 2021, p. 304].

В следующем, 2021 г., лауреатом премии Кули-Мида стал Нил МакКиннон (заслуженный профессор Гуэлфского университета, Канада), уже отмеченный другими наградами ASA. Разноплановые теоретические и эмпирические исследования канадского ученого способствовали «формированию современного понимания эмоций, идентичности и Я, а также социальных институтов и культуры» – так характеризуют вклад МакКиннона в развитие дисциплины Э. Кроска, Д. Хейзе (1937–2021) [Kroska, Heise, Smith-Lovin, 2021, p. 4]. Каждый из перечисленных ученых – коллег или соавторов МакКиннона, в свою очередь, принадлежит к числу именитых представителей социологической ветви американской социальной психологии и является лауреатом премии Кули-Мида или иных престижных премий ASA. Комментаторы отмечают разносторонний вклад МакКиннона в социологически ориентированную социальную психологию. В частности, вместе с Д. Хейзом и Л. Смит-Ловин он разработал две фундаментальные теоретические модели, которые сегодня считаются классикой социального знания. Это теория аффект-контроля (*affect control*

theory, сокращенно АСТ) и модель управления впечатлениями (*model of impression formation*), основные положения которых были разработаны еще в прошлом столетии. На протяжении всей своей научной карьеры МакКиннон искал эмпирические подтверждения своих гипотез путем многочисленных кросс-культурных эмпирических исследований (в США и Канаде). Базовой парадигмой исследований и теоретических размышлений канадского социолога является символический интеракционизм. В 1991 г. он опубликовал фундаментальную монографию, предложив математическую модель АСТ применительно к таким аспектам личности, как мотивация, аффект, атрибуция и реидентификация [MacKinnon, 1994].

Таким образом, замечают комментаторы, МакКиннон «связал АСТ с ее классическими истоками в виде символического интеракционизма и расширил диапазон последнего благодаря включению в него понятия и процессов аффективной динамики» [Kroska, Heise, Smith-Lovin, 2021, p. 2]. В начале текущего столетия канадский социолог предложил еще два варианта теоретического осмысления аффектов, их социальных функций и роли в обществе – концепцию АСТ, касающуюся Я, и концепцию АСТ₁, касающуюся социальных институтов. Благодаря этим теоретическим разработкам в поле зрения социальных психологов оказался такой малоизученный процесс, как принятие идентичности. Теория АСТ в ее новой редакции убедительно показала, как «систематические взаимодействия между идентичностями в контексте культуры создают социальные институты, как происходит осмысление институтов индивидами и как это индивидуальное осмысление, в свою очередь, аффективно окрашивает процесс принятия идентичности» [Kroska, Heise, Smith-Lovin, 2021, p. 2]. В последние годы, продолжают коллеги канадского социолога, МакКиннон обращается к анализу морали в терминах АСТ, за что в 2019 г. был награжден премией ASA по Секции альтруизма, морали и социальной солидарности.

В отличие от своих коллег-комментаторов, акцентирующих многогранность научных интересов МакКиннона, канадский социолог посвящает свою статью одной-единственной теме, которая находится в центре его внимания в последние годы. Речь идет о разработке философских и методологических оснований интегративной социальной психологии (ИП) в направлении, отвечающем

требованиям постмодерна [MacKinnon, 2022]. Идея ИП как сферы знания, объединяющей разные теоретические подходы и практические методы изучения психологического опыта индивида путем глубинного осмысления множества детерминирующих его факторов, принадлежала выдающемуся афроамериканскому социальному исследователю, возглавлявшему в 1972–1973 гг. Ассоциацию чернокожих психологов, Джеймсу Джексону (1944–2020) [Jackson, 1988]. Суть новаций, которые предлагал Джексон, состояла в трактовке психического и психосоциального опыта человека как феномена, который не может быть исчерпан какой-либо одной теорией или детерминантой. Другими словами, концепция ИП была направлена против редукционизма в социальном и психологическом знании, замечает МакКиннон. Основываясь на принципах, обозначенных Джексоном, автор настоящей статьи предлагает классификацию и скрупулезный анализ типов и вариантов редукционизма – с тем, чтобы выяснить, является ли эта методологическая установка «товарищем либо противником» ИП, базирующейся на философских идеях критического реализма.

В самом общем виде, поясняет свою мысль МакКиннон, редукционизм определяют как способ описания и / или толкования явлений и процессов в терминах иных (более простых или более сложных) явлений и процессов, принадлежащих иным уровням реальности. Примерами могут служить дескрипции и интерпретации социальных феноменов в психологических либо биологических категориях или интерпретация социального исключительно в терминах культуры, игнорируя его структурные аспекты.

Автор разработал специальную таблицу типов и видов редукции с примерами их использования в социальном и психологическом анализе сложных феноменов [MacKinnon, 2022, p. 7]. Дескриптивная редукция имеет *онтологический* характер, объяснительная – *эпистемологический*; чаще всего редукционистский подход любого из описанных ниже типов распространяется как на презентацию явления или процесса, так и на его объяснение. Оба вида редукционизма предполагают *нисходящий*, *восходящий* или *горизонтальный* варианты сведения одного класса феноменов к другой / другим. Фрагмент реальности может быть представлен / истолкован как в терминах явлений той же группы, так и со ссылкой на явления более низкого / высокого уровней реальности. Горизон-

тальный тип редукционизма отдает предпочтение в описаниях и объяснениях одной либо нескольким группам объектов и процессов того же уровня, к которому относится предмет исследования, игнорируя возможные детерминанты иной онтологической природы. Характерной чертой редукционизма, в первую очередь нисходящего, служит пренебрежение эмерджентными свойствами явлений и процессов, т.е. игнорирование того факта, что наличные характеристики целостного феномена, присутствующие здесь и сейчас, не присущи (и в принципе не могут быть присущи) составляющим этот конечный феномен элементам в отдельности, подчеркивает МакКиннон.

Исследователь подробно останавливается на философских предпосылках восходящего редукционизма, каковыми служат теоретические положения радикального социального конструкционизма. Последний, в свою очередь, представляет собой «детище постмодерна». Согласно конструкционистской концепции, физический, культурный и метафизический мир есть продукт исторически изменчивых метанарративов, т.е. представлений о мире и их интерпретаций. Следуя данной логике, приходится констатировать, что человеческий опыт – это всего лишь «текст», подлежащий деконструкции посредством бесконечной череды альтернативных интерпретаций. Более того, вне символических интерпретаций не существует никакой иной (подлинной или базовой) реальности. В эпистемологическом плане человек модерна, обреченный благодаря развитию технологий жить в гиперреальности, не имеет возможности дифференцировать объективный мир и его символические репрезентации. Я утрачивает стабильность, становится фрагментированным и текучим, что делает невозможным его интерпретацию в эпистемологических терминах. Это положение конструкционизма созвучно антиэссенциализму постмодернистских трактовок человеческой субъективности. В социологии и социальной психологии, продолжает свои рассуждения МакКиннон, философские постулаты постмодернизма оборачиваются сомнениями в существовании Я в качестве устойчивого инвариантной структуры личности и ядра ее идентичности, поддающихся научному осмыслению, а также в трактовке Я как «феноменологического потока» [MacKinnon, 2022, p. 8].

Критический реализм, близкий автору, не отрицает феноменологизации Я в эпоху постмодерна, равно как и значения социального дискурса, «текста» и символических интерпретаций реальности в ее конституировании, включая человеческую субъективность. Вместе с тем эта философская позиция постулирует существование эмпирической реальности, «внешней» по отношению к социальным дискурсивным конструкциям и их смысловым толкованиям, в том числе – когерентной агентности индивидуального Я. В целом, резюмирует свою метатеоретическую позицию автор, «признавая наличие у социальных феноменов их внутренних значений и смыслов, <...> критический реализм требует, чтобы символические измерения социальной жизни не затемняли ее материальных параметров» [MacKinnon, 2022, p. 9]. Более того, символические / смысловые измерения мира индивида не исчерпывают его природы, заключенной в рамки психологических, биологических, физических, химических и нейронных его составляющих [MacKinnon, 2022, p. 9].

Переходя к анализу нисходящего редукционизма, МакКиннон прослеживает его связь с понятием эмерджентности. В соответствии с этим свойством сложных объектов, групповое поведение не может получить удовлетворительного описания и тем более толкования в категориях индивидуальных поведенческих паттернов, которые не обладают «свойствами целого». Точно так же социальные действия не могут быть редуцированы до уровня нейронных связей, составляющих предмет нейронауки, поскольку нейроны – как материальное основание социального поведения людей – являются необходимым, но недостаточным его условием. С этой точки зрения объективную эмерджентность феноменов социальной реальности можно рассматривать как противоядие от опасений социальной психологии и социологии в отношении сохранения свой дисциплинарной самостоятельности в эпоху «торжества нейронауки», замечает автор [MacKinnon, 2022, p. 14–15].

МакКиннон завершает свои метатеоретические размышления о редукционизме в социальных науках анализом его типов и видов в рамках модели ИП. Согласно Дж. Джексону, ключевые положения ИП состоят в следующем: 1) приоритет *социального акта* – как единицы анализа – над индивидуальным; 2) интерпретация *личности* как активного, рефлексивного социального орга-

низма; 3) анализ *психологической модальности* как совокупности когнитивных, эмоциональных, мотивационных и поведенческих компонент; 4) трактовка Я как процесса конституирования в социальном акте ситуативно обусловленных идентичностей; 5) осмысление *референсных, оценочных процессов* в терминах интеракции, рефлексии и ситуативных ограничений; 6) трактовка *нормативных процессов* как участия в социальном акте путем координации действий с учетом значений и смыслов vis-a-vis; 7) интерпретация *социального поведения* как протекающего в определенном отрезке времени, начиная с момента формирования идентичности и заканчивая бесконечностью социальных процессов [MacKinnon, 2022, p. 18].

Легко увидеть, замечает МакКиннон, что редукционизм как методологический прием несовместим с перечисленными концептуальными положениями. Так, восходящий, «культурный» вариант редукции, исключая индивидуальную агентность, противоречит идее социального акта как ключевого предмета исследования (пункты 1, 4–7). Горизонтальный редукционизм ограничивает диапазон изучения поведения, оставляя за скобками существенные составляющие психологической модальности (пункт 3), и т.д. Отдельные социально-психологические теории, например те, что допускают влияние переменных индивидуального уровня (нейронов и их конфигураций) на социальные акты, но не ограничивают ими интерпретацию социальной реальности, укладываются в парадигму ИП. В конечном счете, замечает МакКиннон, «настало время отказаться от внутренней и междисциплинарной разобщенности и поддержать идею интегративной социальной психологии, объединяющей прочтение социальных явлений с учетом переменных как индивидуального, так и группового уровней» [MacKinnon, 2022, p. 20].

В 2022 г. премия Кули-Мида была вручена Джейн Маклауд – неутомимой исследовательнице социальных и психических факторов ментального здоровья и девиаций в рамках символического интеракционизма и теоретической платформы SSP. Ранее Маклауд, провост-профессор социологии в Колледже наук и искусств Университета Индианы, США, уже была отмечена наградой ASA за вклад в развитие социологии ментального здоровья. На страницах SPQ нового лауреата представляет ее ученица и соавтор ряда на-

учных статей К. Ливли (профессор социологии Дартмутского колледжа, г. Нью-Гэмпшир, США) [Lively, 2022]. Комментатор подчеркивает связь многолетней научно-исследовательской деятельности Маклауд в сфере социальной психологии с ее заслугами в качестве педагога и организатора науки. В течение ряда лет Маклауд занимала пост заместителя главного редактора журнала SPQ; она является экс-председателем секций социальной психологии и медицинской социологии ASA; с ее участием в качестве автора и редактора была выпущена в свет серия обобщающих коллективных монографий и учебных пособий по социологии и социальной психологии медицины, психического здоровья и неравенства [Mental health, social mirror, 2007 ; Handbook of the sociology of inequality, 2014].

Реконструируя научную биографию Маклауд как теоретика и практика социальной психологии, Ливли обращает внимание на следующие ее составляющие, которые в совокупности обеспечили автору достойное место в ряду выдающихся представителей дисциплины:

а) многолетнее скрупулезное практическое изучение ментального здоровья детей и подростков, в особенности влияния бедности на психическую и социальную девиантность, депрессивные состояния и трудности в получении образования;

б) теоретические инновации в рамках парадигмы SSP, привлечение внимания исследователей к собственно психологической составляющей существования личности в социальной структуре;

в) пересмотр модели ментального здоровья в терминах более широкого спектра социально-психологических процессов;

г) анализ эмпирических и теоретических связей между неравенством и социальной психологией, включая роль социальной эксклюзии применительно к ментальному (не)здоровью детей и подростков [Lively, 2022, p. 1].

Именно этому направлению, которое Маклауд считает приоритетным в своей текущей работе, посвящена ее статья о перспективах осмысления неравенства в рамках социологически ориентированной социальной психологии [McLeod, 2023]. Автор обращается к анализу такого нетривиального аспекта социального неравенства, как дискриминация людей (детей, подростков, молодежи на пороге взросления), страдающих неявными (не бросаю-

щимися в глаза) нарушениями ментального здоровья (далее – ННМЗ). Аутизм, синдром дефицита внимания и гиперактивности, эмоциональная лабильность, поведенческие нарушения, проблемы обучаемости и подобные им личностные особенности характеризуются как «незаметные», поскольку не имеют телесных маркеров и тем отличаются от недостатков физической природы (хромота, глухота, слепота, избыточный вес, заикание и пр.). Последние давно и прочно заняли свою нишу в социологических дискуссиях о генезисе неравенства, стигматизации и дискриминации, тогда как феномен ННМЗ в социально-психологическом его измерении до сих пор практически не исследован, подчеркивает Маклауд. Автор анализирует социальные аспекты и последствия специфического восприятия ментального дефицита в разных возрастных и групповых контекстах и предлагает трактовать это явление как социально-психологическую константу, которая определяет жизненный путь индивида, раз и навсегда ограничивая его «шансы на успех».

В фокусе исследований Маклауд в рамках парадигмы SSP (включая эмпирические наблюдения, опросы и интервью) находится феномен ННМЗ как одно из проявлений и социально значимых измерений неравенства и лежащих в его основе стереотипов восприятия и оценки людей с дефицитом ментальных способностей. По мнению автора, этот подход представляется продуктивным как для развития социологической социальной психологии в целом, так и для социологического осмысления социальной стратификации. Цель статьи, таким образом, состоит в том, чтобы привлечь внимание социальных аналитиков к психологическим составляющим и социально значимым следствиям общественной рецепции и репрезентации людей с ННМЗ. В более широком методологическом плане данный подход предполагает существенное изменение трактовки психологических предрасположенностей, которые теперь рассматриваются не в качестве «досадных нюансов», осложняющих идентификацию «собственно социального» в социальных процессах, а как существенную составляющую социального порядка, включая интеракции, статусные притязания, социальные оценки, дискриминацию и неравенство. Для реализации этой задачи требуется проследить, каким образом процессы, детерминирующие социально-психологические perceptions и отношение к людям с ННМЗ, продуцируют и тиражируют неравенство

и интерпретацию ментального дефицита исключительно в терминах девиантности [McLeod, 2023, p. 8–9].

Маклауд выделяет следующие особенности ННМЗ, которые позволяют отнести эти нарушения к особому классу социальных феноменов: а) внешняя неочевидность; б) ненормативность связанных с ментальным дефицитом поведенческих, эмоциональных, коммуникативных и когнитивных паттернов; в) устойчивость негативных социальных интерпретаций и их аккумуляция на протяжении жизненного цикла (последняя характеристика роднит ННМЗ в качестве детерминанты низких жизненных шансов и проблематичного старта с такими переменными как раса, гендер и класс) [McLeod, 2023, p. 8].

Сравнивая ментальную инвалидность с физическими недостатками, автор подчеркивает, что в отношении людей с ННМЗ общество использует обычный набор инструментов для социальной эксклюзии, в первую очередь – ограничение доступа к экономическим, властным, статусным, культурным, гражданским и прочим социальным активам. Как свидетельствуют эмпирические данные, дети с диагнозом «аутизм» и те, кто испытывает трудности в обучении, имеют гораздо меньше шансов добиться успехов в школе, а затем в колледже или университете, при этом на каждой последующей ступени жизненного цикла растет груз негативных социальных оценок и заниженных ожиданий в отношении таких индивидов, что неизбежно сказывается на их самооценке. Получив профессию, молодые люди с ННМЗ обречены на непрестижные должности и пожизненную бедность. В некоторых штатах США они лишены права голоса. В конечном счете, неравное, дискриминирующее распределение социальных ресурсов применительно к ментальным инвалидам является следствием социальной оценки ННМЗ исключительно как разновидности девиантного поведения, которое к тому же чревато деструкцией социальных связей и интеракций, разрушением привычных способов общения и взаимодействия в обществе, резюмирует Маклауд [McLeod, 2023, p. 9].

Социальная дискриминация, обусловленная ННМЗ, имеет иную природу, чем гендерная, классовая или расовая эксклюзия, замечает автор. Это обусловлено трудностью проведения границ между нормой, отклонением и патологией в плане ментального здоровья и, кроме того, устойчивым стереотипом однозначной

квалификации ментального дефицита как отклонения от нормы, а его субъектов – как девиантов. Ментальная инвалидность, в отличие от гендера или класса, прочно ассоциирована в социальных представлениях с дискомфортом межличностного общения, эмоциональными, когнитивными и поведенческими «сюрпризами» и непредсказуемостью поступков.

Таким образом, феномен ННМЗ имеет две стороны, которые представляют интерес для социолога и психолога: перформативную и смысловую. Именно второй аспект этого явления – символические значения ментальной инвалидности в социальных контекстах – составляет предмет интереса Маклауд. Она подробно рассматривает четыре базовых социально-психологических механизма (социальную категоризацию, формирование идентичности, статусную иерархию, стигматизацию), которые участвуют в конституировании и репродукции правил и ограничений в отношении людей с ННМЗ. Теоретические рассуждения и обобщения автор иллюстрирует примерами из релевантных эмпирических проектов, включая собственные исследования последних лет, проводившиеся в начальной и средней школе, в колледжах и университетах (в том числе в престижных учебных заведениях). В соответствии с методологическими принципами SSP, анализу подлежали непосредственные контексты, в которых происходят взаимодействия субъектов с ННМЗ (семья, школа, сообщества сверстников, соседей, сокурсников и т.п.). Эти контексты выступают опосредующей средой влияния социальных макро-факторов на индивидов с ментальными проблемами. По мнению автора, следующие макросоциальные характеристики современного общества определяют и направляют стратификацию людей и групп по принципу ментального (не)здоровья: *неолиберальный режим*, минимизирующий ответственность общества за реализацию личных жизненных шансов и перекладывающий ее исключительно на плечи личности; *рыночная экономика* с ее поощрением эффективного труда, приносящего результат здесь и сейчас и конформизма работников в отношении организационных правил и процедур; *система образования*, ориентированная на подотчетность, оценку и стандартизацию получения знаний. Ожидаемым итогом перечисленных макрохарактеристик современного социального порядка становятся заниженные социальные ожидания и негативная оценка людей с ННМЗ со сто-

роны общества, что продуцирует и тиражирует данную разновидность неочевидного, но реального неравенства (неадекватная самооценка, минимальные социальные ожидания, идентичность неудачника и пожизненная стигматизация) [McLeod, 2023, p. 16]. Обобщая результаты своей эмпирической работы и теоретических размышлений, касающихся феномена ННМЗ, Маклауд подчеркивает их важность для расширения горизонтов социологии и социальной психологии неравенства и обогащения представлений о стратификации и стигматизации в современном обществе неожиданным, но крайне перспективным ресурсом [McLeod, 2023, p. 21].

Завершая обзор состояния и вероятных перспектив социологически ориентированной социальной психологии в США (на примере исследований, отмеченных престижной наградой ASA в 2019–2022 гг.), следует отметить разнообразие тем, подходов и методов лауреатов премии Кули-Мида последних лет. В их числе оказались как уникальные исследователи детской психологии и ментального здоровья, так и ученые, которые выступили с серьезными теоретическими инновациями, способными существенно изменить содержание и фокус социально-психологической работы в рамках социологии. Несмотря на то, что в соответствии с традицией ASA метатеоретические постулаты символического интеракционизма и парадигмы социальной структуры и личности сохраняют свой приоритет в работе американских социальных психологов, реалии XXI в. диктуют необходимость привнесения новых нюансов в дисциплинарную повестку и переосмысления классических интерпретаций общественных феноменов и процессов.

Список литературы

Corsaro W.A. Big ideas from little people: what research with children contributes to social psychology // *Social psychology quarterly*. – 2020. – Vol. 83, N 1. – P. 5–25.

Corsaro W.A. The sociology of childhood. – Thousand Oaks (CA): Pine Forge press, 2005. – 359 p.

Elder G.H. Time, human agency, and social change: perspectives on the life course // *Social psychology quarterly*. – 1994. – Vol. 57, N 1. – P. 4–57.

Handbook of the sociology of inequality / ed. by J.D. McLeod, M.L. Schwalbe, E.J. Lawler. – Dordrecht: Springer, 2014. – 774 p.

**Премия Кули-Мида как индикатор развития теоретической
и прикладной социальной психологии в США (2019–2022)**

House J.S. Social structure and personality // *Social psychology: sociological perspectives* / ed. M. Rosenberg, R.H. Turner. – New York: Basic books, 1981. – P. 526–561.

Inkeles A. Making men modern: on the causes and consequences of individual change in six developing countries // *American journal of sociology*. – 1969. – Vol. 75, N 2. – P. 208–225.

Jackson J.M. *Social psychology, past and present: an integrative orientation*. – Hillside (NJ): Lawrence-Erlbaum, 1988. – 188 p.

Kroska A., Heise D.R., Smith-Lovin L. Introduction of Neil J. MacKinnon, 2021 Cooley-Mead award recipient // *Social psychology quarterly*. – 2022. – Vol. 85, N 1. – P. 1–5.

Lively K.J. Introduction of Jane McLeod, 2022 recipient of the Cooley-Mead award // *Social psychology quarterly*. – 2023. – Vol. 86, N 1. – P. 1–5.

MacKinnon N.J. Reductionism: friend or foe of an integrative social psychology? // *Social psychology quarterly*. – 2022. – Vol. 85, N 1. – P. 6–22.

MacKinnon N.J. *Symbolic interactionism as affect control*. – Albany (NY): SUNY press, 1994. – 264 p.

McLeod J.D. Invisible disabilities and inequality // *Social psychology quarterly*. – 2023. – Vol. 86, N 1. – P. 6–29.

Mental health, social mirror / ed. by W.R. Avison, J.D. McLeod, B.A. Pescosolido. – New York: Springer, 2007. – XXII, 472 p.

Ridgeway C.L. Introduction to Jan Stets // *Social psychology quarterly*. – 2021. – Vol. 84, N 4. – P. 283–285.

Roiser K.B. Introduction of William A. Corsaro, 2019 recipient of the Cooley-Mead award // *Social psychology quarterly*. – 2020. – Vol. 83, N 1. – P. 1–4.

Stets J.E. Micro, mezo, and macro processes in identity change: the 2020 Cooley-Mead award address // *Social psychology quarterly*. – 2021. – Vol. 84, N 4. – P. 286–308.

References

Corsaro W.A. Big ideas from little people: what research with children contributes to social psychology. *Social psychology quarterly*. – 2020. – Vol. 83, N 1. – P. 5–25.

Corsaro W.A. *The sociology of childhood*. – Thousand Oaks (CA): Pine Forge press, 2005. – 359 p.

Elder G.H. Time, human agency, and social change: perspectives on the life course. *Social psychology quarterly*. – 1994. – Vol. 57, N 1. – P. 4–57.

Handbook of the sociology of inequality. Ed. by J.D. McLeod, M.L. Schwalbe, E.J. Lawler. – Dordrecht: Springer, 2014. – 774 p.

House J.S. Social structure and personality. *Social psychology: sociological perspectives*. Ed. M. Rosenberg, R.H. Turner. – New York: Basic books, 1981. – P. 526–561.

Inkeles A. Making men modern: on the causes and consequences of individual change in six developing countries. *American journal of sociology*. – 1969. – Vol. 75, N 2. – P. 208–225.

Jackson J.M. *Social psychology, past and present: an integrative orientation*. – Hillside (NJ): Lawrence-Erlbaum, 1988. – 188 p.

Kroska A., Heise D.R., Smith-Lovin L. Introduction of Neil J. MacKinnon, 2021 Cooley-Mead award recipient. *Social psychology quarterly*. – 2022. – Vol. 85, N 1. – P. 1–5.

Lively K.J. Introduction of Jane McLeod, 2022 recipient of the Cooley-Mead award. *Social psychology quarterly*. – 2023. – Vol. 86, N 1. – P. 1–5.

MacKinnon N.J. Reductionism: friend or foe of an integrative social psychology? *Social psychology quarterly*. – 2022. – Vol. 85, N 1. – P. 6–22.

MacKinnon N.J. *Symbolic interactionism as affect control*. – Albany (NY): SUNY press, 1994. – 264 p.

McLeod J.D. Invisible disabilities and inequality. *Social psychology quarterly*. – 2023. – Vol. 86, N 1. – P. 6–29.

Mental health, social mirror. Ed. by W.R. Avison, J.D. McLeod, B.A. Pescosolido. – New York: Springer, 2007. – XXII, 472 p.

Ridgeway C.L. Introduction to Jan Stets. *Social psychology quarterly*. – 2021. – Vol. 84, N 4. – P. 283–285.

Roiser K.B. Introduction of William A. Corsaro, 2019 recipient of the Cooley-Mead award. *Social psychology quarterly*. – 2020. – Vol. 83, N 1. – P. 1–4.

Stets J.E. Micro, mezo, and macro processes in identity change: the 2020 Cooley-Mead award address. *Social psychology quarterly*. – 2021. – Vol. 84, N 4. – P. 286–308.